

Уильям Петс

Ф А З Ы Л У Н Ы

И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Пер.с англ. Григория Беневича

ИРЛАНДСКИЙ ЛЕТЧИК В ПРЕДУВСТВИИ СМЕРТИ
(памяти майора Грегори, погибшего над Италией)

Я должен встретить смерть свою
За облаками — это так.
Кому служу, тех не люблю,
И мой противник мне не враг.
Моя страна — ирландский крест,
Ирландский нищий — мой народ,
Исчез я или не исчез,
Мой подвиг вряд ли их спасет.
Не воля толп и не приказ,
Не поощрение дурака —
Какой-то бешеный экстаз
Меня бросает в облака.
Я ~~никогда~~^{всё} взвесил все, я все сра^лнял:
Что мне грядущее сулит? —
По мере лет потерю сил,
А здесь — сгореть в единый миг.

1919

НОЧЬ ВСЕХ ДУШ (эпилог к книге "ВИДЕНИЕ")

Приходит полночь, и большой колокол церкви Христа Спасителя
И много малых звенят в комнате,
И это ночь всех душ.
И два высоких стакана наполнены мускателем.
Библия на столе, и может прийти привидение,
Потому что это его право;
Его сущность такова,
Что будучи обостренным смертью,
Оно может вкусить от винного запаха,
В то время как наше небо вкушает всю полноту вина.

Мне нужен ум такой, что если
Пушки прогремят из каждой части света, он останется
Обернут вокруг размышления,
Как обернута мумия в одежду мумий,
Потому что мне надо сказать важную вещь,
Одну прекрасную вещь,
Не более, чем живую насмешку,
Но не для трезвого уха;
И, может быть, всем слушающим
Следует только смеяться и плакать ровно час.

Хортон — первый, кого я призову. Он любил странную мысль
И знал эту сладкую крайность гордыни,
Которая зовется ~~жизни~~ платонической ~~или~~ любовью.
И так плавилась его страсть,
Что когда его любимая умерла,
Ничто не могло его поддержать,
Слова были только пустым дыханием,
И только одна идея оставалась ему близка:
Неотвратимость —
Того, что на следующую зиму придет и его смерть.

Две мысли были так у него перемешаны,
Что я не знаю, о ком он думал сильнее — о Боге или о ней.
Но думаю, что глаз его разума,
Когда поднимался вверх, видел лишь один образ.

И теперь он, этот едва уловимый призрак,
Одержимый Богом,
Так освещает весь
Огромный таинственный лом,
Что, как говорится в Библии,
Кажется, золотая рыба плавает в чаше.

Затем я ~~еще~~ вызвал Флоренс Эмери,
Которая, обнаружив первые морщины на лице,
Любимая и красивая,
И, зная, что будущее будет обременено
Умножающей обыкновенностью,
Предпочла учить в школе
Вдали от друзей и соседей,
Среди чернокожих, и там
Износила дряхлые годы
Вдали от безвестного взгляда, до безвестного конца.

Но перед этим концом
Она много выяснила из
Разговоров с образованным индусом
О путях души. О том, как она обращается
И может ли она достичь орбиты Луны
До того, как упадет на Солнце
И там, свободная и еще недвижная,
Быть одновременно Случаем и Выбором.
Забить свои разбитые игрушки
И утонуть в конце концов в собственном упоении.

И я вызвал Мак-Грегора из гроба,
Потому что в дни нашей тяжелой юности он был мне другом,
Несмотря на последующую измену.
Я считал его полу-плутом, полу-лунатиком
И говорил ему это, но дружба не прерывалась.
И что если ум изменяется,
И она~~и~~ изменяется вместе с ним?
Когда мысли возникают внезапно
О его благородных делах,
Мне кажется, я начинаю слепнуть...

Он много времени был занят разрешеньем
Вопросов и проявил мужество, пока одиночество
Не свело его с ума.
Потому что сосредоточение на известной мысли
Делает человеческие связи все слабее,
И они не оплачиваются и не восхваляются.
Он превратился в призрак,
Ведь он любил привидения,
И, наверно, стал еще более высокомерным, будучи им.

Но имена — ничто. Какая разница — кто это,
Если его части таковы,
Что запах мускателя
Приводит в экстаз его нёбо,
А из живых никто не может вкусить полноту вина.
Я говорю правду мумий,
Но не для трезвых ушей.
В ней только живая насмешка,
Потому что, может быть, каждый, кто слышал
Должен только смеяться и плакать ровно час.

Такую мысль, такую мысль я удержал,
Когда медитация проходила все фазы.
И ничто не выдерживает моего взгляда,
Пока этот взгляд пробегает по миру, несмотря на то,
Что проклятые надрывают свои сердца,
А благословенные танцуют.
Такая мысль, что в ее пределах
Мне ничего другого не надо,
Окутывается размышлением,
Как мумия одеждой мумий.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Оборот за оборотом в расширяющейся спирали,
Соколу сокольничего не услышать,
Опадают вещи, центру не удержаться,
Мир начинает рушиться, умирать,
Темно-красный пояс развязывается, и ныне
Обряд ненависти топится, и все
Лучшие утратили покаяние, а дурные
Полны жгучих страстей.

Точно — апокалипсис наступит скоро.
Видно — Второе пришествие у дверей.
Второе пришествие! Как вымолвить слово,
Когда мрачный образ Духа Мирского
Заслонит мой взор: где-то в песках пустыни
Тень с телом льва и человеческой головой,
С глазами пустыми, благостными как солнце,
Медленно двинет лапой. В это время^д вокруг
Будут кружиться тени птиц возмущенных.
Снова наступит мрак. И я узнаю,
Что двадцать веков окамененья
Нарушит кошмаром качающаяся колыбель,
И зверь — уже наступает его мгновенье —
Двинется, чтобы родиться, на Вифлеем.

1920

СТАРЕЦ РИЕХ НА МОГИЛЕ БЕЙЛА И ЭЙЛИНЫ

Не потому ли, что в крошечной тьме
Ты застаешь меня с открытой книгой,
Ты спрашиваешь, чем я занят?... Слушай
И передай тому мои рассказы,
Кто не видал еще моей тонзуры,
И кто не слышал голос
Надтреснутый, семидесятилетний.
О Бейле с Эйлиной не стоит повторять -
Как лист и веточка соединились - знает,
Как тис и яблоня,... так и они,
Поговорим о том, что неизвестно.

То чудо, даровавшее им смерть,
Им чистую вещественность придало
Взамен обличий плоти. Их тела
В такие повергаются объятья,
Что нет касанья здесь, касанья там,
Мгновенных судорог, но ангелам подобно
Сложилась в свет уже неразличимы,
Где всё соединяется со всем.

Вот почему теперь в крошечной тьме
При взрагиваньи яблони и тиса,
Здесь в праздник смерти их и годовщину
Их первого объятия, когда
Любовники, очищенные смертью,
Спешат соединиться.... Здесь глаза
Мои над влагой, над травой, в скупой молитве
Становятся орлинами.... Их свет
Открылся мне, хотя немного сломен
Он листьями, но образует круг
Поверху трав диковинных, ~~или~~ и там
Листаю я Священное Писанье.

1934

Слегка склонившись с моста вниз старик прислушался. Он и его товарищ ~~шли~~ шли с севера, неровен был их путь и башмаки в грязи, дорожное их платье изношено. Однако, несмотря на поздно выплывший ущербный месяц, они шагали так, как будто им неблизко до жилья и до ночлега: старик прислушался:...

Ахерн¹:

Чей это звук?

Робертос: Может быть, утка, или крыса
Скользнула в воду. Посмотри с моста
Отсюда различима тень от башни²
И свет в окне — он все еще читает.
Как водится за ним — опять в плену
Тех образов. Он выбрал это место
Вслед за героем Мильтона: в окне
Огонь свечи, Платон и та же башня;
Он так же принца Шелли представлял,
Чей одинокий свет попал в гравюру.
Там мудрость покоряется трудом,
Ее теперь он снова в ~~них~~ книгах ищет,
Но не найдет...

Ахерн:

Но почему б тебе

Не постучаться, не сказать всю правду,
Не объяснить, что он проводит жизнь,
Лишь отломив себе сухую корку,
А истина — твой ежедневный хлеб;
И так сказав, пойти своей дорогой.

Робертос: Ты знаешь, он описывал меня
В манере Патера³, и я как будто умер,
Что ж — умершим остаться предпочту.

¹ Мишель Робертос и Ахерн выдуманы еще молодым Летсом и составляют, а частью оспаривают его собственное Я. Робертос — один из друзей — возвращается из Месопотамии, где он изучал философию древних.

² Вавилонская башня на полпути между Западом и Востоком, одно из верхних окон которой занимал Летс.

³ Уолтер Патер — поэт, манере которого Летс подражал в молодости.

Ахерн: Тогда ты мне напосни песнь свою,
Песнь или речь о лунных превращениях.

Робертос: Всего их двадцать восемь — фаз Луны
От полной до ее исчезновения,
Всего их двадцать восемь, двадцать шесть
Из них лишь колыбель для человека,
Поскольку жизни нет ни в полной, ни
Во мраке. Так от самого начала
До середины сон или мечта
Нас понуждают только к приключениям,
В которых счастлив человек как зверь.
Впоследствии при большем закручении,
Минуя фазу прихоти любой
Из прихотей осуществимых — значит
Зарубцевавшихся. Вооружившись
Плечью из разума, он отливает плоть
Из недр плоти, становясь красивым.
Одиннадцать проходят, и тогда
Афина за волосы тянет Ахиллеса,
Гектор в грязи, и появился Ницше —
Двенадцатая фаза — это он.
Рожденный дважды, погребенный дважды,
Он должен стать беспомощней червя.
С тринадцатой фазой душа
Сама с собою в бой вступает, мышцы
Не ощущая в поднятой руке,
И наконец, в четырнадцатой, безумной,
Вдрагивая в оцепенения, гибнет,
Залутываясь в собственных ходах!

Ахерн: Пой песню до конца и ты откроешь,
Какая ждет награда тех героев.

Робертос: Свершение мысли — в образе, души
Свершение — в теле. Тело и душа
У полнолуния слишком совершенны
И одиноко выглядят в пути.
Отторгнуты от видимого мира,
Они неотвратимо терпят крах.

Ахерн: Все мечты души
Заканчиваются в красивом теле.
Те, кого мы любим,
Приобретают удлинённость черт
От смерти, от Голгофы, от жлыста
Кровавого в своих руках... Скитаясь
От фазы к фазе, гибнет красота
От одиночества.

Робертос: Так чувствует влюбленный.

Ахерн: Должно быть, так, что страх у них в глазах —
Воспоминанье иль предсказанье часа,
Когда должны открыться Небеса,
И Свет придет.

Робертос: Созданья полнолуны
В пустых полях встречают поселян,
Спешащих мимо,
И сторонится
Тело их, душа
Странников себе подобных, только
Мысленный взор продолжит созерцанье
Знакомых образов... Их ряд
Одельных, законченных и неподвижных
Взламывает уединенье
Красивых, удовлетворенных глаз.
А после ущемляется Луна.
Когда душа полна воспоминаний
Об одинокой дрожи прежних фаз,
В мир человек вернется как слуга,
Заняв себя наитруднейшим делом
Из дел осуществимых, поручив
Душе и телу рабское служенье.

Ахерн: И, как старался в первой половине
Себя найти, теперь он ищет мир.

Робертос: Поскольку ты забыт и полужив
И не придумывал романов, мысли
Твои ясны. Ученый человек,
Купец, законодатель, реформатор,
Заботливый супруг или жена —

Рождение за рождением. И все —
Полет. Бесформенные: только
Бесформенность спасает от мечты.

Ахерн: А что же с остальными?

Робертос:т Так как всех,
Кто свет и всех, кто тьма не различить:
Кто выброшен наружу,
Кто в облако... Лишь позволяет писк
Мышам летучим окликать друг друга.
Не знаящим желаний не узнать
Добра и Зла, не обнаружить Цели,
Покорности итога не понять,
А говорить - лишь бред сиюминутный.
Уродливые вне уродства, формы
Не знавшие, покорнее чем хлеб
До выпечки - переменяют тело
Лишь прикоснутся к телу.

Ахерн: А потом?

Робертос: Возникнет тесто лучшего замеса,
Что следует природе лишь, итак
Полкруга совершает первый месяц.

Ахерн: Но где тут выход, пой же до конца.

Робертос: Горбун, Святой, Блаженный — вот итог.
Горящий лук, стреляющий однажды,
Но в цель, катящееся колесо
Злой красоты и мудрости болтливой,
Плечущей чушь, проскакивает между
Бесформенностью тела и души.

Ахерн: Как будто нам неблизко до ночлега.
Я позвоню, встань здесь под косяком
У входа в замок. Строгость и унынье —
Все создано для мудрости, ее
Он не найдет. Я разыграл сцену,
Он позабыл меня за столько лет
И примет за бродягу, стоя здесь
Буду шептать пока он не услышит:
"Горбун, Святой, Блаженный" — Три Луны.

Три месяца последних, а затем,
Пошатываясь, я пойду. Он губит
Свой ум в бесплодных поисках.

Потом

Он засмеялся: "Что казалось трудным,
Так просто". Летучая мышь
Из тростника сорвалась с громким писком
И кружится над головой. В окошке
Башни потушили свет.

1919